

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

(К 75-летию со дня
рождения)

3 ноября исполняется 75 лет со дня рождения советского поэта Эдуарда Георгиевича Багрицкого (Дзюбина) (1895—1934).

По данным Всесоюзной книжной палаты на 1 июля 1970 года, его произведения за годы Советской власти издавались 56 раз на 11 языках народов СССР и зарубежных стран общим тиражом 1 млн. 962 тыс. экземпляров.

Публикуем страницы воспоминаний об Эдуарде Багрицком, написанные для «Книжного обозрения» другом поэта Борисом Бобовичем.

Одесса. Лето 1913 года. Утро едва брезжит, первые солнечные лучи озаряют небо и бескрайний простор моря, спокойного, прозрачного, светло-голубого. Я спустился к берегу полюбоваться этим несравненным зрелищем пробуждающегося дня. Оглянувшись, я увидел, как с откоса стремглав сбежал широкоплечий, ладно сложенный юноша с загоревшим лицом, улыбающийся глазами и чубом, непослушно спадающим на лоб. Одет он в какую-то холщевую робу.

— Будем знакомы, — сказал он наигранно зычным голосом, — Дзюбин. Эдуард. Глаза его смеялись, все в нем смеялось и ликовало. Я назвал себя.

— Нуте-с, сеньор Бобович, не прокатится ли нам для начала вот на этой каравелле? — Он показал на уютную, полуразвалившуюся душегубку, воткнутую носом глубоко в песок...

Так началось наше знакомство, вскоре перешедшее в дружбу.

Жили Дзюбины на Ремесленной улице в маленькой двухкомнатной квартире, уютной, хорошо прибранной. Теснота удручала Эдуарда: с детства он болел астмой, ему бывало душно, и где-то было разместиться со своими птицами, любимыми книгами, множеством журналов и рукописей. Мать делала все возможное, чтобы обеспечить Эде покой, здоровье, возможность уходить в свои книги, в свои безграничные мечтания и дерзкое, безудержное воображение...

Я сижу в его комнате. Десятка полтора клеток развешаны по стенам. Эдуард отунул в перинах, облуженный

со всех сторон книгами, и просит меня послушать его стихи. А читал он, прямо сказать, поразительно. Он вкладывал в свое чтение всю силу чувства, беспредельную страсть.

Притихшие было певуны вновь зашевелились, запрыгали в клетках. Эдуард постукивает пальцем по жердочкам.

— Молчите! Слышите? Дайте работать! Мы работаем!

Из кухни тем временем раздается мерный, вездливый стук секачки, во дворе канючит маленькая девочка.

— Зачем так громко, Сонечка? Плачь шепотом, — кричит в распахнутое окно Эдуард. — Шепотом, я тебе говорю.

В воздухе застыл терпкий, стойкий запах лука, чеснока и пережаренной телятины.

Эдуард вскакивает:

— Нет, здесь буквально немислимо!..

Он поспешно сует в объемистый карман несколько тетрадок и кучу исписанных листов бумаги... Мы уходим. Мы направляемся в Александровский парк, в его тишину и очаровательную глушь... По дороге к нам присоединился еще кто-то из «начинающих», и вскоре мы оказались под развесистой анагией. Эдуард читал стихи, шел живой и острый разговор о поэзии.

В ту пору все шире, все глубже раскрывался поэтический дар Эдуарда, выступавшего уже под псевдонимом — Багрицкий. Но он еще не освободился от всяких стихотворных реминисценций, пребывал еще в пышных метафорах Гумилева, Эредиа, в рыцарских

доспехах эпитетов и сравнений...

В театре на Большом Фонтане состоялся в 1914 году вечер молодых поэтов. Шумный успех выпал на долю Багрицкого. Молодежи импровировала поэзия земляка, поэзия, исполненная мужества, силы, высоких чувств.

О Багрицком узнала Одесса. Он принимает участие в литературно-художественных альманахах. Вокруг него группируются молодые поэты. Его большие знания, отточенный вкус, широчайшая литературная эрудиция привлекают сердца.

Февральскую революцию Багрицкий встречает восторженно, крушение династии Романовых внушает ему надежды, он радостно и открыто смотрит вперед. В Одессе выходит журнал «революционной сатиры» «Бомба». Багрицкий, Катаев, Олеша и другие писатели принимают в нем самое деятельное участие.

Приход Октября обогащает музу поэта, величайшая мудрость ленинских идей начинает плодотворно влиять на его мировоззрение, и он с головой окунается в общественную и творческую работу. С ошеломительным установлением в Одессе Советской власти Багрицкий работает в агитпоезде имени ВЦИКа, пишет боевые листовки, рисует и подписывает сатирические плакаты, направленные против Деникина, Врангеля и прочих белогвардейских «вождей».

В те годы Багрицкий создает такие вещи, как «Трактир», «Москва», «Октябрь», «Украина», «Тиль Уленшпигель», «Пушкин», «Одесса» и другие стихотворения,

руководит политкружком «Истоки Октября».

В 1925 году Эдуард Багрицкий с женой и маленьким сыном переехал в Москву, где имя его давно уже было известно. В столице поэт создает свои наиболее значительные произведения — «Думу про Опанаса», «ТБЦ», «Контрабандисты», «Последняя ночь», «Смерть пионерки» и другие стихи и поэмы.

К нему приходили молодые поэты. Он никому не отказывал в совете, со всеми был душевен, прост и доброжелателен. Однако давняя болезнь прогрессировала. Последние годы он почти нигде не выходил.

...По-турецки сложив ноги, он сидел у стола на маленьком диванчике и, тяжело дыша, покуривал темную желтую стеклянную трубочку, в которой кипел спасительный астматол. Он, прославленный поэт, чьи стихи переведены на многие языки, мечтал «хотя бы еще разок» съездить в родную Одессу.

— Мы с тобой поедим в нашу Одессу, увидим наше море, пройдемся по нашим улицам... Это будет велико-лепно!

Глаза его стали грустными и задумчивыми. Я вижу его болезненно одутловатое лицо и прекрасный лоб, на который ниспадает поседшая прядь непокорных волос...

Эдуард Георгиевич Багрицкий умер 16 февраля 1934 года. Ему шел тридцать девятый год. Люди никогда не забудут вдохновенного поэта, чье сердце, чье сверкающее дарование целиком были отданы служению любимой Отчизне.

Борис БОБОВИЧ.